

че города Гданска» следует образцу оды Н. Буало «На взятие Намюра». Тематика и жанровый ореол, заимствованные из Франции, приводят к завершению семантического обновления старого стиха — русская силлабика окончательно теряет свою одиозность как реликт пережитой эпохи и может восприниматься теперь как равноценный эквивалент французской силлабики. В свете французской ориентации традиционный стих получает современное европейское звучание. С этой точки зрения не было никаких оснований его отвергать.¹⁸

Это меняется только тогда, когда русская поэзия стала восприниматься с позиций не французской силлабики, а немецкой силлабо-тоники. На фоне ритмического однообразия, проистекавшего из регулярного распределения ударений в словах, русские силлабические стихи действительно могли казаться «прозаическими». Для Тредиаковского, решительного приверженца французской культуры, такое восприятие станет несомненным только тогда, когда он начнет разделять взгляд академических немцев вроде Штелина, согласно которому переход от силлабики к силлабо-тонике считался художественным прогрессом и отдавалось бесспорное предпочтение одной системе перед другой. Кантемир был другого мнения.

И в самом деле, трудно понять, почему менее регулярный, приближенный к естественному ритму языка прозы стих должен быть хуже стиха, который своей силлабо-тонической регулярностью ударений в свою очередь может вызвать упрек в монотонности.¹⁹

При каких предпосылках немецкая силлабо-тоника смогла затмить русскую силлабику? Решающим фактором стала эстетика европейского классицизма.²⁰ Она образует ту общность, которая в первую очередь делает возможным литературно-критический диалог Тредиаковского с петербургскими немцами и объясняет его восприимчивость к их аргументам. Силлабо-тонический стих отвечал классицистическому пристрастию к единообразной форме и сглаженности. В этом отношении Кантемир со своей склонностью к менее регулярному стиху — представитель другой эстетики, барочной. Когда позднее, во второй половине XVIII в., немецкая литературная критика обрушится на монотонность силлабо-тоники и господство ямба, это произойдет под знаком преромантической полемики против классицизма Опитца и Готшеда.²¹ Подобный протест в конце века можно услышать и в России: рассуждают о ритме, который должен следовать свободным формам русской народной поэзии, и критикуют стесне-

¹⁸ Другое мнение см.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 26; Пумпянский Л. В. Тредиаковский С. 222; Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 210.

¹⁹ Кантемир А. Д. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских // Кантемир А. Д. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 407—428; ср.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // *Metryka słowiańska*. Wrocław, 1971. S. 59.

²⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. С. 40.

²¹ Heusler A. Deutsche Versgeschichte. S. 66; *Wagenknecht Ch.* Weckherlin und Opitz. S. 73.